

на каждомъ шагѣ имѣють дѣло съ непостижимой реальностью,— и „раціональнаго“, въ строгомъ смыслѣ этого слова, у него почти нѣтъ и слѣда. Онъ даетъ намъ то, что пережилъ въ собственномъ мистическомъ опытѣ, не всегда продумывая до конца свои формулы: отсюда и противорѣчія Толстого, съ которыми намъ еще придется отчасти имѣть дѣло. Повторяю, что „раціонализмъ“ Толстого не идетъ дальше ссылокъ на здравый смыслъ тамъ, гдѣ это нужно ему. Оттого и его критика церковнаго христіанства часто картинна, энергична, но очень рѣдко глубока.

Подлинная сила Толстого въ его мистическихъ переживаніяхъ,— и если на это мало обращаютъ вниманія, то въ этомъ много виновать самъ Толстой. Его больше знаютъ въ отрицательныхъ, чѣмъ въ положительныхъ его выводахъ, и Толстой много далъ къ этому поводовъ. Онъ больше разрушалъ, чѣмъ созидалъ, хотя его подлинная душевная работа совсѣмъ не требовала того разрушенія, на которое Толстой потратилъ столько энергіи. Знаете ли вы такую картинку? Когда въ храмѣ бываетъ тѣсно, иные люди, чтобы охранить себя отъ толчковъ и опасности задохнуться, начинаютъ сами работать локтями и толкать другихъ. Да простится мнѣ это грубое сравненіе, но оно невольно приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о томъ противорѣчій у Толстого, которое такъ больно всякому религіозному человѣку. Толстой нерѣдко съ подкупающей теплотой зоветъ насъ на высоты религіозныхъ переживаній, но сколько и злого, жестокаго, ненужнаго издѣвательства надъ церковнымъ христіанствомъ содержатъ его писанія! Толстому тѣсно въ Церкви, душно,—и вотъ онъ толкаетъ другихъ, чтобы самому выбраться на свѣжій воздухъ... Грустно, грустно думать объ этомъ. Признаюсь, сколько я ни думалъ, въ чемъ корни той ненависти и злобы, которая часто слышится въ его рѣчахъ противъ церковнаго христіанства, я никогда не могъ понять ихъ. Я глубоко сознаю, что Толстому было душно въ Церкви, я понимаю, что онъ пытался индивидуально прочувствовать, индивидуально апперцепировать ученіе Христа;—я понялъ бы и критику, понялъ бы рѣзкость и остроту его гнѣва, но злобы и преднамѣреннаго, грубаго издѣвательства—напримѣръ надъ таинствами—не могу понять. Пусть мистика таинства казалась ему обманомъ. Но какъ онъ могъ забыть или пройти мимо тѣхъ, для кого эти таинства являются источникомъ глубочайшихъ переживаній? Какъ могла